

Эдуард Шнейдерман

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ЗАГОРОДНЫЙ

Грязный, пыльный, скользкий,
людный, шумный, тесный,
Загородный - Заштатный, -
разве ж ты проспект?!

"Булочная", "Обувь",
"Винный", "Бакалея",
"Кожгалантерея",
"Пышки" и "Кино",

"Крепкие напитки",
крупные убытки,
"Радиотовары",
"Мясо-молоко".

Северный племянник
древнего Арбата,
полтора столетия
с хвостиком
скрипишь

джазом из "Пластинок",
снегом, тормозами,
ветхими суставами
низеньких домов,

Но с утра до ночи,
за полночь во мраке
узким тротуаром
бродишь сам с собой

В пиджаке немодном,
в уцененных брюках,
в незнакомых с ваксой
драных башмаках,

тощий и небритый,
грустный и сутулый,
точно Саша Черный,
городской поэт.

04.76.

ГОРОД ОХТА

Дождь косит глаза и косит.
Охтинцы капусту носят
В рюкзаках, и некто Вася
Крякает, капусту квася.
"Потружусь, зато как вкусно -
Под "столичную" капуста!"

На балкон он катит бочку
Маринованных грибочков.
Наш герой не зря трудится -
Все в хозяйстве пригодится.

Охта- городок заречный
И нимало не беспечный.-
Любят охтинские массы
Созидать к зиме запасы,

Запасшись, гуляют жены,
Убедительно ядрены,
Точно булочки, румяны,
По проспекту Шаумяна.
И мужья, как надо, рядом,
Наслаждаясь променадом.

В животах у них не пусто-
Там сосиски, там капуста,
Горсть лисичек, четвертушка
И домашняя ватрушка.

Говорят: "Промежду прочим,
Охта- рай, вторые Сочи!"-
"Если выбросят сарделки,
Против Охты- Сочи мелки!"

За мостами праздный Питер
жжет неоновые нити,
В рестораны-бары манит,
Из карманов деньги тянет;

Всюду шум, неразбериха.
Здесь зато темно и тихо.
В десять все- на боковую.
Как не славить жизнь такую!

Ох-тин-цы,- спюю им нежно,-
Спите сладко, безмятежно!
Жизнь- прекрасна, быт- упрочен.
Сытых снов! Спокойной ночи!

73, 76

МОШКИ

Тень

бесшумной серой мошкой
Семенит по мостовой.
Поживем еще немножко—
Теньями станем мы с тобой.

Поживем еще немножко...

А к чему?

Для чего?

Кто мы: люди?

или мошки?

Не понять

ничего.

Трудимся,

приобретаем:

Мебель, шляпу, пылесос.

Но зачем с годами таем?

Умираем?—

вот вопрос.

Ах, на мягкой, на двуспальной—

Холодно

умирать.

...Попирует на "отвальной"

Алчных родственников рать.

Кабы встать из гроба грозно,

Спичкой— чирк:

гори, добро!

Только поздно,

слишком поздно.

Слишком прочно в гроб

врос.

И лежишь
                  в бессильной злобе,
Рот раззявя,
                  не дыша.
А из тела
                  по утробе
Выбирается душа.

ВЕЧЕР

Старики-любовники прячутся в подъездах
От сырого морского ветра
И ведут свои нескончаемые разговоры
О любви, победившей время.

Порывистые жесты, полунамёки,
Понятные только двоим недомолвки...
Нежно водя по лицу перстами,
Она разглаживает его морщины.

Вечерняя заря старой позолотой
Покрывает стекла, золотит лица.
И они, вглядываясь друг в друга,
Видят юность, одну только юность.

Без поцелуев и без объятий,
Но как тревожно их расставанье!
Не загадывают о новой встрече,—
Может быть, следующей не будет.

Но зато два последних слова —
"Милый!", "Милая!" — два крылатых
Слова нежности — с губ слетают
И взмывают чайками в тучи.

О любви, неведомой миру,
Я кричу в этих тесных строчках.
О любовь, останься, останься
Здесь, на набережной, навечно!

1972

ЗАПОМНИВШАЯСЯ гроза

Сперва- на цыпочках, бочком,
Потом- шажком, потом- вприпрыжку,
И вдруг- с размаху, напролом,
Как будто сорвало задвижку
Там, в тучах.

Мириады жал

Впились в сухую землю, в глину,
Внезапно ветер набежал
И ну толкать
и в грудь, и в спину.

Народ- сначала ничего,
Посмеивался: еле дышит!-
Тут как припустит от него -
И в подворотни, и под крыши.

Кто был в плаще, кто без плаща-
Мгновенно пропитались влагой.
Потоки пенились, плеща
Из труб, как из пожарных шлангов.

А он, гудящий, лез к земле,
Все лез к земле,
вбивался в землю.

Гремело.

Город глух и слеп.

И все ж дерзнул взглянуть на землю
В миг молнии.

Пила земля.

И в страхе содрогнулся город,
Увида, к а к пила земля:
Вся запрокинувшись негордо,
Давясь,

но требуя еще

(Ужо тебе! Накличешь море!),
Всей плотью,

буйно,
горячо,
И гулко клокотало в горле.

Деревья гнулись, что камыш.
И грохотало то и дело.
И терлось о железо крыш
Чудовище
безмерным телом.

Все это было, как во сне:
Казалось, что водою дышим,
В воде живем, на самом дне,
И черный кит плывет чуть выше.

Но вот заминка. Перелом!
Устал,
споткнулся, и
сбился с ритма.

И ветер хлопает крылом
Слабей и, громыхнув сердито,

Громада повернула в бок.
И ливень замолчал, как не был.
И вот давящий потолок
Сломался, стал высоким небом.

И сразу сделалось светло,
Так празднично, как будто в поле.
А все-таки как повезло,
Что можно ввысь глядеть до боли!

И каждый был по-детски рад:
Вот это небо! Как приснилось!
И сразу все пошло на лад —
Задвигалось, заторопилось.

Вблизи уже маячил быт
И теребила неотложность,
Но ливень длился, незабыт,
И было на душе тревожно.

И город медлил.

А вокруг

Все выглядело по-иному.
И землю он расслышал ~~и~~ вдруг,
Почувствовал ее истому.

Земля лежала так тиха,
Что листья лип едва кивали,
И медленные облака
В зеркальных лужах проплывали.

Но погромыживало все ж —
Там, на колосниках, за сценой,
И липы пробирала дрожь
И отпускала

постепенно.

ИУДА

На стол наставили свечей
и стали спрашивать:
— Ты чей?
— Я свой! я свой! я в доску свой!
Ручаюсь братцы головой!

Но тень
вилась и стлалась
так,
что стало ясно:
это— враг.

И захлебнувшись
тишиной,
он рухнул на/земь
перед стеной
глаз,
кожей чуя
каждый взор—
презренье,
жалость,
гнев,
укор.

Но смог
гадюкой
подползти
и— каждому —
шепнуть:
"Прости,
я— брат!"—
двенадцать раз подряд,
в одежды тыча,
пряча взгляд.

А если бы
сквозь лю́тый страх —
в упор,
в пылающий распах,—
так моль летит в огонь свечи,—
он, вспыхнув,
сгинул бы в ночи.

...Простили.
Предал.
Так, не раз,
и нас, о господи,
и нас...

74-76

х х х

Что для тебя
что для меня —
все пустяки
все ерунда

Вытечет все
и протечет
а для чего?
ради чего?

ради того
что- пустяки
пыль золотая
по ветру летит

либо внутри
на глубине
камнем на дне
камнем на дне

и не сказать
не рассказать
сколько себя
ни для кого

спрячешь в себе
в воздух швырнешь
единственно ценное
здесь на земле

ведь только и есть
ценного здесь
что-то во всех
в каждом из нас

что-то в тебе
что-то во мне
в каждом из нас

В КАЖДОМ ИЗ НАС
это сберечь
чтобы отдать
это оставить
пустым в землю лечь!

х х х

Стал я глохнуть, как Бетховен.
Пасторалей не пишу.
Нелюдим, с людьми неровен.
Суеты не выношу.

Стал я глохнуть, в сущность звуков
Продираясь, в их нутро.
Доложу вам, это мука, —
Как ногтями рыть метро.

Стал я глохнуть — стал я чуточе
Слышать спрятанную жизнь.
Слухом внутренним измучен.
И уже не тянет в высь. —

В шум подспудный, в гул утробный,
В отголоски голосов,
В ритм прерывистый и дробный,
В мир, закрытый на засов.

О когда бы смог я связано
Потаенное схватить,
То что в душах бьется разно,
Вытащить, соединить,

Оттолкнуть замшелый камень,
Снять привычную тщету,
Немоту лечить стихами,
Глухоту и слепоту!